

Шэнь Цзун и Цзи Ван. Один стоял за дверью, другой — внутри. Они долго смотрели друг на друга. Если бы они не знали, кто они, можно было бы подумать, что между ними глубокие чувства. Но все в особняке, старые и молодые, знали, сколько сил и времени потратил молодой господин Шэнь на поиски этого Омеги.

Человек, которого искали несколько лет, внезапно появился у дверей. Это было похоже на драму.

Но никто не осмеливался смотреть спектакль Шэнь Цзуна. Услышав о возвращении Цзи Вана, даже старый генерал проснулся посреди ночи и выглядывал в окно, глядя в сторону ворот.

Наконец, Цзи Ван заговорил:

— Почему ты без обуви?

Его тон был, как всегда, спокойным и безразличным, словно его отсутствие в течение нескольких лет было таким же обыденным делом, как выход на обед, и его возвращение было таким же незначительным.

Настала очередь Шэнь Цзуна замолчать.

Внешность Цзи Вана была более смуглой и худой, но выглядел он хорошо. В отличие от него, Шэнь Цзун, хотя и был выписан из больницы после тяжёлой травмы, не показывал усталости. Но, увидев Цзи Вана, убедившись, что этот человек живой стоит перед ним, прямая спина Шэнь Цзуна вдруг немного сгорбилась. Он повторил:

— Наконец-то соизволил вернуться.

Шэнь Цзун посмотрел на свои ноги. Он был нелеп, сбежав вниз без обуви, чтобы встретить его. Перед Цзи Ваном, сколько бы лет ни прошло, он был никем.

Шэнь Цзун спокойно ответил:

— Мм, забыл надеть обувь.

Сдерживая желание немедленно затащить Цзи Вана в дом, Шэнь Цзун пошёл вперёд. Цзи Ван следовал за ним неторопливо. Спустившись вниз, он внезапно почувствовал себя неловко.

Цзи Ван спросил: — Ребёнок спит?

К этому времени все, кто должен был спать, уже спали.

Шэнь Цзун почувствовал ревность. Цзи Ван, вернувшись, в первую очередь поинтересовался не им. Он нахмурился:

— Давно ушёл спать.

И добавил: — Его зовут Баобао, Шэнь Баобао.

Взгляд Цзи Вана дрогнул, но он не сказал ни слова.

Перейдя прихожую в гостиную, Цзи Ван сел на диван, не объясняя Шэнь Цзуну, где он был и что делал эти почти три года. Шэнь Цзун внезапно перестал торопиться. Он пристально смотрел на него, как на врага.

Слуга принёс Шэнь Цзуну пару тапочек. Он надел их, скривился и нервно улыбнулся.

Шэнь Цзун скрестил руки на коленях:

— Я говорил Баобао одну вещь. Как только ты вернёшься, я сломаю тебе ноги и оставлю рядом с ним.

Все в семье Шэнь были умны. Даже самый глупый Шэнь Цзун мог разыграть карту эмоций. Он сам не был слабостью Цзи Вана, но Баобао был его плотью и кровью.

— Цзи Ван, ты бросил Баобао на три года. Все эти три года Баобао не хотел говорить. Как его родной отец, ты пропустил важные годы его роста. Сломать тебе обе ноги — это ещё легко.

Когда слова стихли, Цзи Ван опустил голову. Одна сторона его глаз была скрыта в тени. Он немного задумался.

Тишину гостиной нарушил тихий топот по лестнице. Звук становился всё громче. Старый генерал не успевал за ним, крича:

— Баобао, Баобао!

Маленький Шэнь Баобао уже спустился в гостиную. Его любопытные глаза метались между Шэнь Цзуном и Цзи Ваном. Когда старый генерал подошёл к нему, малыш инстинктивно спрятался за его ногами, выглядывая только глазами.

Шэнь Баобао проснулся посреди ночи, и его глаза были влажными.

В тот момент, когда Цзи Ван увидел Баобао, он, казалось, был скован какой-то эмоцией.

Шэнь Цзун, как будто смотря спектакль, ждал, когда Цзи Ван, вернувшись, увидит ребёнка. В этом отношении он не беспокоился.

Шэнь Цзун сказал: — Баобао, поздоровайся.

Старый генерал ни на кого не смотрел, только фыркнул, неясно, кому адресовано.

Маленький Шэнь Баобао несколько раз колебался. Его губы дрогнули. Он робко позвал:

— Цзи Ван.

Шэнь Цзун расплылся в улыбке. Увидев улыбку Шэнь Цзуна, Шэнь Баобао осмелел и снова сказал:

— Цзи Ван.

Цзи Ван бросил взгляд на Шэнь Цзуна:

— Это ты его научил.

Шэнь Цзун принял позу ну-и-что. Цзи Ван посмотрел на ребёнка, который в его памяти был розовым и мягким. А теперь он вырос, умел ходить и называть его по имени.

Шэнь Баобао, ещё не насмотревшись, медленно вышел из-за спины старого генерала, спрятался в объятиях Шэнь Цзуна, обнимая его руку. Его глаза не отрывались от Цзи Вана.

Но, кроме тех двух раз, когда он позвал Цзи Вана, маленький Шэнь Баобао больше не говорил, молча в течение получаса.

Через полчаса веки Шэнь Баобао опустились. Он не выдержал и уснул в широких объятиях Шэнь Цзуна.

Цзи Ван заговорил спустя долгое время.

— Он так вырос.

Шэнь Цзун холодно усмехнулся:

— Потерял дар речи? Его зовут Шэнь Баобао. Понимаешь, почему?

Цзи Ван молчал, но Шэнь Цзун не оставил его в покое. Он хотел, чтобы Цзи Ван почувствовал вину, почувствовал боль, понял, что его побег был ошибкой.

Шэнь Цзун был зол от мысли, что Цзи Ван игнорировал людей, которые были рядом, ради двух умерших.

— Баобао всего три года, а он такой же, как ты, не хочет говорить.

Шэнь Цзун позвонил, не отрывая глаз от Цзи Вана. Вся охрана особняка была удвоена. Он хотел, чтобы Цзи Ван понял, что теперь он открыто держит его взаперти. Раз уж он сам вернулся, то больше не будет возможности уйти.

— Цзи Ван, у меня есть три месяца, чтобы насиловать тебя.

Сказав это, Шэнь Цзун поднял Шэнь Баобао и направился наверх. Пока Цзи Ван находится в особняке, он может делать, что хочет. Его комната всё ещё ждала его. Цзи Ван должен был спать в ней, даже если не хотел.

На следующее утро Цзи Ван вышел из своей старой спальни. Все уже сидели за столом. Маленький Баобао самостоятельно ел. Когда Цзи Ван спустился, он сказал ему что-то. Ребёнок поднял голову, посмотрел на него и промолчал.

Шэнь Цзун похлопал по плечу:

— Баобао, иди, сядь рядом с папой.

Старый генерал не позволил ребёнку приблизиться к Шэнь Цзуну, но Баобао сам тихонько придвинул свой стул к Шэнь Цзуну. Поскольку Шэнь Цзун и Цзи Ван сидели близко, он мог сидеть рядом с обоими.

Цзи Ван тихо спросил Баобао:

— Почему ты не любишь разговаривать?

Баобао не поднял головы, продолжая есть.

Старый генерал научил его: когда ешь, не разговаривай. Маленький Баобао хорошо усвоил это и во время еды был полностью сосредоточен.

Цзи Ван не злился. У него был слабый аппетит. На столе было несколько лёгких закусок и тёплая рисовая каша.

Он потянулся за едой. Шэнь Цзун, словно назло, тоже потянулся за той же тарелкой. Как только он прикоснулся, Шэнь Цзун отбросил палочки для еды и схватил Цзи Вана за запястье. Он был худым, как призрак. На ощупь одни кости.

— Люди семьи Вэй издевались над тобой, не давали тебе есть?

Цзи Ван опустил глаза и молчал. Он не говорил ни слова о том, что делал в семье Вэй.

Старый генерал заговорил:

— Причина, по которой проект был остановлен, в том, что вмешалась семья Вэй.

Цзи Ван тихо кивнул.

Затем старый генерал тоже замолчал.

Семья Вэй и семья Лю всегда были непоколебимыми силами в политике Федерации. Только Цзи Ван знал, что он пережил за эти полтора года. Если семья Вэй не позволяла ему говорить, то и старый генерал ничего не мог из него вытянуть.

Атмосфера в гостиной была странной. Цзи Ван закончил есть и поднялся наверх. Баобао и старый генерал вышли на свою ежедневную прогулку. Шэнь Цзун посидел немного, а затем последовал за Цзи Ваном. Он даже не потрудился постучать. Он толкнул дверь и, не приложив особых усилий, прижал Цзи Вана к кровати.

В глазах Шэнь Цзуна был звериный блеск. Нынешний он был более сдержанным и молчаливым, чем раньше, но после стольких битв его методы стали более жестокими.

Цзи Ван, оправившись от головокружения, тихо сказал:

— Шэнь Цзун, успокойся.

Его чрезмерное спокойствие вызвало у Шэнь Цзуна тихий, низкий смех.

Шэнь Цзун схватил Цзи Вана за лицо, посмотрел на него со всех сторон и сказал:

— Ты выглядишь хуже, чем раньше. Чёрный, как уголь, и такой худой, что глаза запали.

Цзи Ван сжал губы. Шэнь Цзун повернул руку, и его ладонь, покрытая толстыми мозолями, замерла у железы на шее. Глаза Цзи Вана слегка дрогнули. Шэнь Цзун удовлетворённо сменил место.

— Ты должен быть рад, что я не нашёл следов другого дикого мужчины на тебе.

Метка на железе была очень слабой. Если не прикоснуться, её было трудно заметить. Но метка всё ещё была там. Шэнь Цзун помрачнел:

— Я сказал, что не оставляю тебя. И я пообещал Баобао, что сломаю тебе ноги и оставлю рядом с ним.

В тот момент, когда слова прекратились, рука Шэнь Цзуна поднялась и опустилась. Это было так быстро, что Цзи Ван успел только моргнуть.

Только когда сигнал дошёл до мозга, Цзи Ван почувствовал боль. Он попытался пошевелить ногами, но не смог приложить ни малейшего усилия.

Шэнь Цзун сказал:

— Я держу слово. Твои ноги временно сломаны. Я останусь в особняке на три месяца.

Он смотрел в глаза Цзи Вана, чётко произнося каждое слово:

— Я лично буду ухаживать за тобой. Что бы ты ни делал, я, Шэнь Цзун, буду твоими ногами.

Цзи Ван: — ...

Боль была не такой сильной. Для обычного человека это было бы очень больно, но Цзи Ван умел терпеть, и его болевой порог был, видимо, немного выше, чем у обычных людей.

Он нахмурился. Шэнь Цзун видел, как уголки его губ поднимаются.

Шэнь Цзун крепко обнял его, прикусил его ухо, бормоча, словно во сне:

— Так ты не сможешь сбежать, верно?

Густая амбра, словно волна, накрыла Цзи Вана. Он отвернул голову. Его взгляд был направлен на подоконник. Лёгкий, горьковатый аромат чая витал в воздухе. Цзи Ван чувствовал, как человек, прижимающий его лицо к шее, был свирепо горяч.

Цзи Ван моргнул. Он должен был злиться, но все его эмоции были истощены за прошедшие годы.

По сравнению с чрезмерно пылкими эмоциями Шэнь Цзуна, он чувствовал только горечь.

— Зачем ты это делаешь? Мне достаточно и моих собственных уз. Шэнь Цзун, почему ты стал, как я?

<http://bllate.org/book/4/153>